

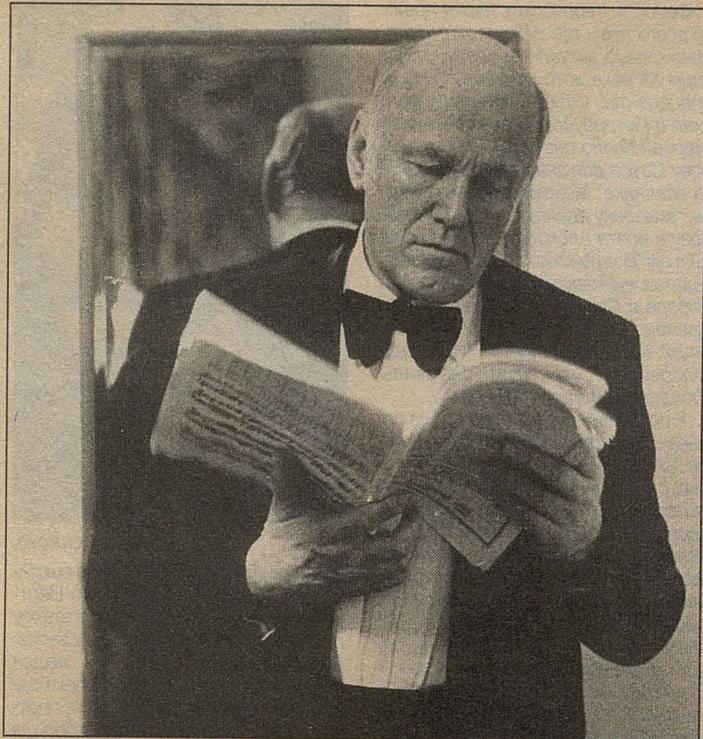
Рихтер

Святослав

30.03.05

Зеркало

Святославу Рихтеру исполнилось бы 90

С. Рихтер

Культура - 2005 - 24 - 30 января - 69

20 марта исполнилось 90 лет со дня рождения Святослава Рихтера, имя которого по-прежнему первым приходит в голову, когда заходит речь о фортепианном искусстве. Кто он был?... Время идет, и юный N, купив диск и впервые увидев на обложке его имя, возможно, полюбопытствует и заглянет в какую-нибудь энциклопедию. И прочтет там, что исполнению Рихтера были присущи "глубина и серьезность", "безупречный вкус", "проникновение в стиль", "тщательная проработка деталей", "выразительность", "ясность концепции", что он "обладал феноменальной техникой в сочетании с многогранной артистической индивидуальностью" и т.д. Свод общих выражений, в которых пишут и о многих других. Разве что у Рихтера, пожалуй, самый полный список.

Но далее наш N обнаружит и нечто особенное: что Рихтер был "носителем высочайшего артистического и нравственного авторитета" и "могучей духовной силой". В этом, наверное, и заключена главная причина беспрецедентной притягательности этой личности для всех, кто страстно желал бы постичь сущность искусства и жизни человека в нем. Общение с ним открывало путь к вожденной Истине и приближало к ней.

Трудно говорить о Рихтере тому, кто не был с ним близок. Даже для друзей, говорят, он был великой загадкой. Возвращенный на опере и ценящий театральность в музыке, он был словно актер шекспировского театра, слившийся со своим героем и существующий в своем мире между фантазией и реальностью. Слишком необъятным был этот мыслящий океан, и слишком мало он стремился к тому, чтобы быть однозначно понятным. Он уверял, что "толкования по поводу музыки излишни". По поводу Рихтера они излишни, наверное, тоже.

Главной своей задачей верный жрец Храма композиторов полагал быть "зеркалом партитуры", которому "публика безразлична". А публика жадно внимала рихтеровским "отражениям", в галерее которых находила шедевры, эталонные прочтения. Ныне это классика интерпретации. (Хотя само слово "интерпретация" Рихтер не любил, отторгивался от него.) "Исполнитель есть, в сущности, исполнитель воли композитора. Он не привносит ничего, что не содержалось бы в сочинении. Если он талантлив, он приподнимает завесу над истинным смыслом произведения - лишь оно гениально, и лишь оно в нем отражается. Он не должен подчинять музыку себе, но - растворяться в ней". Как ни желал великий музыкант растворить свою феноме-

нальную индивидуальность, ему это было нелегко, и он это понимал. Подобно Моцарту, шутившему, что требуется лишь вовремя нажимать нужные клавиши, Рихтер утверждал, что достаточно лишь "внимательно смотреть в ноты". Все гениальное просто. Но не легко.

Рихтер говорил, что у него было три учителя: Нейгауз, родной отец и Вагнер. Объяснял, чему научился у них. Но по большому счету, ему, самоучке, одаренному высокой способностью к самосовершенствованию, не нужны были учителя в обычном смысле. "Я от природы лентяй". Да, лентяй при штудировании ненужностей, навязанных стандартным учебным процессом, но в искусстве - великий труженик. Абсолютная творческая самодостаточность породила и безапелляционность в суждениях. Его мнения, часть которых разлетелась в виде афоризмов, порой не отличались либерализмом и не несли в себе сомнения: "Я человек хладнокровный и способен судить обо всем беспристрастно". Но и себя он судил не менее сурово: "Мне присуща склонность судить строго, своего рода немецкая дотошность, я ведь способен различать, что истинно, а что ложно, в отношении самого себя, что более и менее приемлемо, а что попросту плохо".

Аскет в материальном мире, но алчный до идей, Рихтер имел огромный репертуар ("Я - всеядное и прожорливое животное"). Пробовал себя в роли сочинителя (литературных пьес, фортепианных миниатюр, оперы), дирижера (но публично выступил лишь однажды). Рисовал чудесные пастели и увлеченно фотографировал. Устраивал в своей квартире костюмированные балы, выставки, музыкальные собрания; организовал целых три фестиваля - в Туре, Москве и Тарусе. Поставил две оперы Бриттена на "Декабрьских вечерах"...

Сегодня от Рихтера остались прежде всего его записи. Кокетничал ли он, когда говорил, что не любит их (ибо "нет неожиданностей"), прав ли был Гленн Гулд, когда говорил, что Рихтер "позволяет размножать записи, которые создают о нем превратное мнение...". Но если записи и неравноценны, то и правдивее, и полнее вырисовывается в их совокупности облик живого, а не канонизированного артиста. И тем интереснее по прошествии лет снять с полки пластинку и продолжить размышления на тему "кто был Рихтер", которым нет конца...

Татьяна ДАВЫДОВА
Фото Эдуарда ЛЕВИНА

20